

МАТЕРИАЛЫ ПО ШВЕДСКО-КРЫМСКИМ
ОТНОШЕНИЯМ В XVI—XVIII вв.
В АРХИВЕ ЛОНИ СССР АН СССР

Крымское ханство в XVI—XVIII вв. играло большую роль во внешней политике стран Европы, несмотря на свою полувассальную зависимость от Турции. Между тем внешняя политика Крыма исследована историками гораздо хуже, чем политическая история той же Порты.¹ Причины этому несколько. Прежде всего многие механически объединяют политику Крыма с политикой Порты, считая, что Гирей действовал исключительно по указке Турции, и уделяют поэтому основное внимание изучению внешнеполитического курса Константинополя, забывая о том, что политика некоторых ханов была более или менее самостоятельной и даже противоречащей интересам Турции.

Вторая причина связана с трудностями изучения предмета. Исследователи не располагают архивом внешней политики Крыма, поскольку в Бахчисарее в рассматриваемый период не было постоянного учреждения, задачей которого были бы сбор и хранение дипломатических и иных документов. Каждый хан имел собственную канцелярию с небольшим архивом, являвшимся скорее личным, чем служебным, собранием бумаг. Когда хан покидал дворец (чаще всего это случалось из-за репрессий Порты) и удалялся снова в родовое поместье, в Константинополь (для судебного разбирательства) или в ссылку, вместе с ним навсегда исчезал и архив. Поэтому исследователи вынуждены опираться на крайне субъективный материал сочинений официальных и неофициальных историков — подданных хана или султана. Свидетельства этих источников часто дают не только неадекватную, но и неполную информацию. В качестве примера приведем тот факт, что даже такой серьезный и знающий исследователь, как В. Д. Смирнов, располагавший лишь трудами татарских и турецких историков, очевидно, совершенно не подозревал, что в XVI—XVIII вв. между Крымом и Швецией имелись дипломатические связи.

¹ В последние 30—40 лет ни в СССР, ни за рубежом не появилось сколько-нибудь крупных исследований или публикаций по политической (ранее как и культурной, и экономической) истории Крыма в XVI—XVIII вв. После классического труда В. Д. Смирнова «Крымское ханство под перховенством Османской Порты до начала XVIII в.» (Одесса, 1880) в СССР, Турции и Англии появилось лишь несколько статей, посвященных отдельным узким вопросам этой большой темы; единственный крупный труд — монография А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в XVII в.» (М., 1948) — касается в основном русско-татарских отношений в первую половину XVII в.

Такой выход из создавшегося положения, как использование крымских источников из архивов других стран, до настоящего времени исчерпан далеко не полностью. С одной стороны, политика ханов по отношению к России изучалась еще русскими учеными прошлого века, например С. М. Соловьевым, широко использовавшим крымские дела московских архивов. С другой стороны, такое немаловажное направление внешней политики ханства, как шведское, исследовано явно недостаточно,² несмотря на то что в Государственном архиве Швеции имеется богатое собрание крымских источников — фонд «Татарика», где собраны документы по шведско-крымским политическим отношениям за XVI—XVIII вв.

Находившийся летом 1956 г. в научной командировке в Швеции сотрудник ЛОИИ Института истории СССР АН СССР профессор О. Л. Вайнштейн внимательно ознакомился с материалами этого фонда и, отделив неопубликованную его часть,³ заказал с нее микрокопии.⁴ Эти копии были включены в собрание Западной секции Архива ЛОИИ СССР, где и находятся в настоящее время.⁵

Подвлияющее число документов «Татарики» по перечисленным в начале статьи причинам совершенно уникально и представляет в распоряжение советского историка ценнейшую информацию по истории юга нашей Родины. Кроме того, поскольку шведско-крымские связи неоднократно на протяжении XVI—XVIII вв. оказывали сильное влияние на политику Московского государства, то любые, даже не столь обширные, и тщательно отобранные свежие источники, какими располагает Архив ЛОИИ СССР, заслуживают изучения и введения в научный оборот.

² По проблеме крымско-шведских связей в XVI—XVIII вв. пока вообще нет отдельных монографий. В 1932 г. была напечатана краткая заметка Гуннара Ярринга о крымских посольствах в Швецию в 1630 и 1632 гг. (*J a r t i n g G. Gustaf II Adolf och tatarerna på Krim. — Ny mittartidskrift, 1932, s. 306—308*). После заметки Г. Ярринга вышла лишь одна статья канадского историка К. М. Кортенегера, посвященная крымско-шведским отношениям в конце XVI в., основанная на печатных источниках и исследованиях (в частности, на украинской работе А. А. Нонселльенго), в которой автор архивные материалы совершенно не использовал: *K o r t e n e g e r G. M. Gazi Giray, Khan of the Crimea and Ottoman Policy in Eastern Europe and the Caucasus, 1568—1594. — The Slavonic and East European Review, 1966, v. 44, N 102, p. 136—166*.

³ О немногочисленных публикациях материалов фонда см. далее.

⁴ Общую характеристику микрофильмированных фондов Государственного архива Швеции см.: *В а и н ш т е й н О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. — Вестник АН СССР, 1957, № 1, с. 83—86*.

⁵ Поскольку в архивной практике скандинавских стран почти не применяются шифрование и индексация дел XVI—XVIII вв., возникают трудности при поиске и ссылке на источник, особенно микрофильмированный. Поэтому в Архиве ЛОИИ СССР (за невозможностью иной индексации подобного материала) на каждую единицу хранения составлена карточка, имеющая архивный шифр. Шифр этот состоит из четырех частей: 1) индекс архива (Ш); 2) номер фильма, обозначенный римской цифрой; 3) номер раздела, обозначенный арабской цифрой, и 4) номер единицы хранения — тоже арабская цифра.

Первое упоминание о связях молодого шведского государства с Крымским ханством мы находим уже в документах короля Густава I Васы. Судя по письму от 14 сентября 1556 г. короля своему сыну Эрику,⁶ эта связь уже в ранний период самостоятельности Швеции носила ярко выраженный антирусский характер. Другой источник этого времени уточняет вид и размер помощи, которую «татарский царь по имени Крымский» должен был оказать Швеции: на «могучего восточного соседа» по совместному плану с юга должны были напасть 80 тыс. всадников.⁷

Провал плана совместного шведско-крымского вторжения в Россию саму эту идею не уничтожил. В 1579 г. в Стокгольме прибывает с богатыми подарками крымский посол и передает Юхану III предложение Мехмет-Гирея выделить 200-тысячный отряд конницы для совместного со шведами похода на Москву.⁸ Шведский король, в эти годы лихорадочно искавший союзника для борьбы с Россией в Польше, Дании и других странах, с радостью принял предложение хана и отпустил гонца, щедро наградив его. Однако и этот план сорвался (не по вине договаривавшихся сторон).

Материалы, имеющиеся в нашем собрании копий, относятся к несколько более позднему времени, а именно к началу 1590-х годов.

Хронологически первой здесь находится корреспонденция послов Эрика Фалька и Сигфрида Роламба (1592 г.).⁹ Это посольство можно было по нескольким причинам назвать необычным. Во-первых, послом был назначен иезуит Фальк, что для воиствующей протестантской Швеции (в тот период основной бастион в борьбе североевропейских государств против наступления католицизма) было явлением исключительно редким.¹⁰ Во-вторых, уже покинув Швецию, посол осмелился грубо нарушить предписание своего государя, что также случается нечасто. Наконец, в-третьих, Фальк в ходе миссии сменил господина, а для вельможи, находившегося в фаворе, такой поступок весьма странен.

К началу 1590-х годов в Швеции уже прошла стадию теоретической проработки широкая программа территориальных захватов, первой жертвой которых должна была стать Россия. [Как

---

⁶ Konung Gustaf den förstos registratur, bd. XXVI. Stockholm, s. 527. — Обычно начало крымско-турецкой направленной против России политики шведских королей относят на значительно более поздний период. См., например: Смирнов П. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, с. 10.

⁷ Hildebrand E., Stavenow L. Sveriges historia till våra dagar, bd. IV. Stockholm, 1920, s. 414.

⁸ Konung Johan den III: des Chronika. Stockholm, 1745, s. 76.

⁹ III-V-1, N 25 (Erik Falk och Sigfrid Rålamb's bref 1592).

¹⁰ Пока неизвестно, какую роль в назначении Фалька могла сыграть королева, но рождению полчка и также католичка.

предполагал Юхан III, основной автор этой программы, восточный сосед, ослабленный Ливонской войной, которая длилась уже более 20 лет, вряд ли мог оказать длительное сопротивление шведской армии.¹¹ Однако для большей гарантии успеха этот поистинный, но осторожный король считал необходимым заручиться вначале договоренностью с Казы-Гиреем на одновременное вторжение его конницы в Россию с юга.¹² С этой целью и было направлено в Бахчисарай посольство во главе с Эриком Фальком.¹³

Согласно инструкции, датированной 8 августа 1591 г., послы должны были отправиться в Крым через Польшу. В ходе переговоров Фальку предписывалось склонить хана к опустошению русской территории вплоть до Москвы. Между тем, как явствует из переписки шведского посла, его действия уже в сентябре 1591 г. начинают расходиться с предусмотренными инструкцией. Прежде всего он надолго задерживается в Данциге (якобы по объективным причинам); здесь он входит в контакт с рядом подозрительных лиц (незаунами по преимуществу), затем по остающейся для нас неизвестной причине его пытается убить шведский граф Аксель Лейонхувуд и т. д. По совокупности подобных причин посол заявляет королю о необходимости прорвать путешествие в Крым. Последовавший резкий выговор Юхана¹⁴ достиг прямо противоположной цели — он лишь подтолкнул Фалька к дальнейшему сближению с единоверным ему сыном Юхана польским королем Сигизмундом III. Переписка шведского короля с польским королем по поводу «сманипаппя» посла также осталась безрезультатной: Фальк остается в Польше до лета 1592 г., несмотря на письма из Швеции, отызывающие его домой. Вопрос решился смертью Юхана, наступившей в этом году, после чего Фальк мог беспрепятственно остаться при дворе Сигизмунда, ставшего к тому же и королем Швеции.

Планы союза с Крымом при новом короле были отложены из-за длившейся до конца 1590-х годов и закончившейся свержением Сигизмунда междоусобицы.¹⁵ Свергнувший своего племянника Карл IX был слишком озабочен укреплением своего положения в государстве (путем подавления непокорной аристократии), чтобы проводить сколько-нибудь активную внешнюю политику.

¹¹ Захватническая программа Юхана III, именуемая также «вепской восточной программой», в ближайшее время неоднократно ставилась руководством в действие для преошиков его на троне Швеции. Подробней см.: Ш а с н о л ь с к и й П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, с. 35—36.

¹² См.: Б а в т ы ш - К л а м о н с к и й П. Обзор внешних сношений России с державами иностранными по 1800 год, т. II. М., 1896, с. 51.

¹³ Переписку Э. Фалька см. в тетради III-V-1. № 25.

¹⁴ Johan III till E. Falk, 25 marti 1520.

¹⁵ О безрезультатном посольстве хана в 1592 г. см.: Т и я ш W. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1960, в. 57.

Шведско-крымские связи оживляются лишь в последние годы жизни Густава II Адольфа. После установления господства на Балтике этот король имел основания опасаться столкновения с непомерно разросшейся к тому времени габсбургской империей; во-вторых, он сам ощущал себя достаточно сильным, чтобы захватить экономические и стратегические позиции в Северной Германии и Польше.¹⁶ Такая война требовала дипломатической подготовки, причем особое внимание Густав Адольф уделит южным соседям своих будущих противников — султану и хану. Поддержки Константинополя шведским дипломатам удалось добиться довольно быстро,¹⁷ переговоры же с Бахчисараем потребовали больших усилий и времени.

В январе 1630 г. в Стокгольм от хана Джаны-Бек-Гирея прибыло посольство во главе с Камбер-Агой. Хан предлагал королю армию в 40 тыс. сабель¹⁸ для совместного похода на Польшу, Германию или «московские уkraine».¹⁹ Густав Адольф выбрал из предложенных ханом направлений будущего похода австрийское (позднее в планах короля к Австрии добавилась и Польша) и тут же направил в Крым посольство.

Послом был назначен Бенжамеи Барон, французский дворянин, долгое время служивший в Стокгольме в качестве переводчика с русского языка. Он должен был предложить хану военный союз со Швецией и добиться от него обещания поддерживать Густава Адольфа в его претензии на польскую корону. Король был согласен уплатить за это Гирею 150 тыс. райхсталеров.

Б. Барон отправился в Крым в конце 1630 г. через Московское государство. В русской столице он тяжело заболел,²⁰ поэтому задержался здесь до марта 1632 г.

Прибыв в Крым, Б. Барон был ласково принят ханом. После ознакомления со шведскими предложениями Гирей дал на них устное согласие и приказал 20 чиновникам, захватив богатые подарки, отправиться к королю вместе с Бароном для заключения договора. Послы должны были передать королю также ханское письмо. В этом письме²¹ мы встречаемся с недвусмысленно выра-

---

¹⁶ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 238; История Швеции. М., 1974, с. 188—189.

¹⁷ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . . , с. 169.

¹⁸ J a r g i n g G. Gustaf II Adolf. . . , в. 306; ср.: Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . . , с. 238.

¹⁹ Более всего Гирей, очевидно, был заинтересован в походе на Московское государство: в 1629 г. часть Крыма была опустошена доцскими казаками (Смирнов Н. А. Россия и Турция. . . , т. II, с. 25).

²⁰ B. Baron till Skytto, 9 febr. 1631.

²¹ Gianbek Gerey Tartarorum Praeconensium Regis, Epistola ad Gustavum Adolphum Reg. Sveciae die 2 Dec. anno 1631. — Этого письма в Стокгольмском

женной готовностью хана вести самостоятельную, независимую от Порты, политику: собранные по султанскому фирману для похода на Персию 30 тыс. конников хан согласен направить в Европу для поддержки походов Густава Адольфа. Единственное, что может задержать это выступление — ожидание шведской субсидии, поэтому хан предлагает выплатить ее не обязательно в Стокгольме, но в целях быстроты в Венеции или даже в Константинополе.

В Москве Барон был задержан русским правительством, желавшим выяснить цели и результаты его миссии в Крыму. Барон дал общие разъяснения, отказавшись подкрепить их письменными доказательствами. Несмотря на арест, посол упорно стоял на своем, предлагая властям добывать необходимую информацию обычным путем, т. е. через Стокгольм. Через неделю он был освобожден и в марте уже встретился с крымским посольством в Новгороде, чтобы вместе продолжить путь в Швецию.²²

В апреле Барон с татарами прибыл в Стокгольм, но короля уже не застали: он отбыл в действующую армию, в Германию. Глава крымского посольства Нуралли-Олан доложил риксроду, что ввиду позднего времени (учитывая и срок, необходимый для выплаты субсидий) татары окажут помощь лишь в кампанию будущего года. Риксрод, не рискуя самостоятельно принимать решение в сем затруднительном случае, отправил Нуралли-Олана в сопровождении того же Б. Барона в Германию для переговоров с Густавом Адольфом.²³ Однако встреча эта так и не состоялась, прожив в Эрфурте несколько месяцев и получив затем известие о гибели воинственного короля под Лейпцигом (6 ноября 1632 г.), послы решили вернуться в Швецию.²⁴

Правительство А. Оксеншерны, с первых месяцев круто повернувшее внешнею политику страны от безудержного экспансионизма к стремлению сохранить и всемерно упрочить уже завоеванное, не могло дать властителю далекого Крыма никакого ответа, кроме вежливого отказа принять его военную помощь. И все же мы не можем назвать посольство Нуралли-Олана бесплодным (для Швеции по крайней мере): прослышав о нем и опасаясь татарского вторжения, основной враг Швеции император был вынужден держать на юге значительный контингент войск,

---

архиве нет, но оно было оцифровано вместе с менее интересными и важными письмами к королю Сафы-Гырея, Кант-Аги и Алмас-Аги от 3 и 2 и 4 декабря 1631 г.: *Acta Literaria Sveciae. Anno 1723. Edita Upsaliae. Trimestre primum*, p. 378; *Trimestre tertium*, p. 445—448, 448—449, 450.

²² В. - Baron till A. Oxenstjerna, 10 martii 1632 (III-V-1, № 28).

²³ Ex protocollo Senatus Extraherado Pro Anno 1632 (III-V-1, № 86).

²⁴ В. Baron till A. Oxenstjerna, 29 decembris 1632 (III-V-1, № 29).

что не могло не сказаться на ходе шведско-австрийских военных действий.²⁵

История следующего крымского посольства (1637 г.) в Швецию (с предложением военной помощи «против любых врагов») отражена в документах, поступивших в Государственный архив Швеции в XX в.²⁶ Ксерокопии немецких переводов их также имеются в нашем архиве.²⁷

Однако значительно более интересны, чем материалы этого уже совершенно бесплодного посольства, корреспонденция²⁸ и особенно дневник посла П. Майера.²⁹

Посольство Майера подготавливалось в весьма сложный период русской, шведской и крымской истории. Период этот характерен прежде всего усилением всех трех государств. Хан Ислам-Гирей начиная с 1647 г. не только ведет независимую от ослабевшей в результате внутренних неурядиц и военных неудач (поход в Венецию) Порты политику, но и успешно оказывает на нее нажим. Московское государство впервые переходит от пассивной к активной обороне своих рубежей с юга, в чем ему оказывает поддержку — также впервые — Польша, ранее нередко опиравшаяся в борьбе с восточным соседом на Крым.³⁰ Значительно укрепившая свое международное положение Вестфальским миром, Швеция проявляет в конце 1640—1650-х годах растущий интерес к восточноевропейским делам. Усиление Швеции было одним из факторов, содействовавших установлению дружеских отношений с нею (или по крайней мере стремлению к этому) как России, так и Крыма.

В 1650 г. крымский посол Хаджа-Мустафа предложил королеве Кристине вступить в союз с ханом, Украиной и Польшей против Москвы. Он настаивал (в целях ускорения переговоров) на немедленном направлении в Крым шведского посла. Предложение хана показалось канцлеру А. Оксеншерне нереалистическим, и послу был дан отказ, выдержанный, правда, в чрезвычайно мягкой и вежливой форме.³¹

²⁵ О наличии у цесаря информации о сближении Швеции с Крымом и Россией см.: Б а в т м и н - К а м е н с к и й П. Обзор внешних сношений. . . , т. II, с. 349; см. также: J a g g i n g G. Gustaf II Adolf. . . , s. 307—308.

²⁶ О их происхождении и содержании см.: Z e t t e r s t o e n K. Türkische, tatarische und persische Urkunden im Schwedischen Reichsarchiv. Uppsala, 1945, s. 5.

²⁷ К № 135—143.

²⁸ III-V-1, № 31, 33—35.

²⁹ III-V-1, № 32.

³⁰ П о п о с е л ь с к и й А. А. Борьба Московского государства. . . , с. 363—364.

³¹ О посольстве Хаджи-Мустафы см.: Theatrum Europaeum, 1663, VII (Fr.-am-Main), s. 88. См. также письма Ислам-Гирея, цуреддича (11 преемника) Газп-Гирея, калги (1 преемника) Крым-Гирея, Менгли-Гирея и других

Иоханнес Майер, переводчик государственной канцелярии, должен был ехать через Польшу в Крым с выражением дружественного расположения королевы к Ислам-Гирею. Посольство имело, помимо этого, очевидно, вполне искренне выраженной цели, еще две — посредством демонстративных сношений с Крымом оказывать дипломатическое давление на поляков (в предстоящих встречах в Любке, где слишком хорошо знали об интимных связях хана с Богданом Хмельницким, к тому времени непримиримым врагом Речи Посполитой и Яна Казимира). Примерно такое же действие, очевидно, стремилась Швеция этим посольством оказать и на Москву, куда сразу же после отъезда Майера была отправлена депеша о враждебных планах хана и Польши.³¹ Кроме того, в Швеции вновь в том году вспыскивает надежды получить привилегию на торговлю с Персией, через Россию,³² при этом была бы весьма необходимой дружба не только с Москвой, но и с ханом.

Однако весной—летом 1651 г. произошел ряд событий, несколько изменивших ситуацию: положение Яна Казимира укрепилось,³³ что содействовало его более жесткой позиции на любекских переговорах; во время похода 1649 г. татар на Польшу доисские казаки громилы Крым,³⁴ чем была ослаблена боевая мощь предагавшего себя в союзники хана. Кроме того, у Ислам-Гирея в 1650 г. появляется план совместного с Б. Хмельницким похода на Дон, о чем уже имелась договоренность.³⁵

Бумаги И. Майера показывают, как в течение очень небольшого отрезка времени под влиянием ряда причин совершенно расстроился реальный план Стокгольма, могший привести к большим изменениям в позиции не только Швеции, но и Москвы, и Польши, и, возможно, Крыма. Помимо этого, мы находим в довольно объемистых (около 60 густо исписанных страниц) записках посла ценнейшие наблюдения и характеристики государственного устройства ханства, придворной жизни, обычаев различных слоев местного населения, внешней и внутренней политики хана, валашских господарей, союза хана с Б. Хмельницким и т. д.³⁷

членов ханской семьи за 1060 (1650) г.: Z o t t e r s t e e n K. Türkische... s. 83—88. — В общем собрании копии имеются также письма Ислам-Гирея Кристине (Ш-V-1, № 105) и визиря Софер-Казы-Аги А. Оксеншерце (Ш-V-1, № 105).

³¹ См.: J. Rosenlindt till Drottning, Muskov, 11 aprilis 1651 (Ш-V-5, № 3).

³² См.: N y s t r ö m P. Mercatura Ruthenica. — Scandia, 1837, p. 253—255.

³³ Главным образом этому содействовала победа его над Б. Хмельницким 20 июня под Берестечком. Москва также обязалась соблюдать мир и не поддерживать украинцев, но за горами был и мир со Швецией.

³⁴ С м и р н о в П. А. Россия и Турция... т. II, с. 105.

³⁵ Там же, с. 107.

³⁷ Ш-V-1, № 35.

Тематически к ним примыкает составленная в 1657 г. справка на 50 страницах о крымских городах, портах, населении, администрации, придворной и духовной иерархии, о полувассальной Ногайской Орде, местном управлении не только крымских, но и иных подвластных хану селений, например Очакова и т. д.³⁸

Во второй половине XVII—первой половине XVIII в. шведско-крымские связи имеют свои взлеты и падения; наибольшего развития они достигают в период Северной войны и совсем затухают после 1742 г. У нас есть данные об обмене посольствами за это столетие,³⁹ кроме того, исследователь вполне может воспользоваться для восстановления общей картины этих связей имеющимся у нас в микрофильмированном виде собранием корреспонденции почти всех Гиреев к шведским королям за этот период⁴⁰ (и могущее быть дополнено публикацией Цеттерстена).⁴¹

Не имея возможности обозреть весь период 1650—1740-х годов, мы остановимся лишь на двух периодах, наиболее, с нашей точки зрения, интересных — послеполтавском и 1741—1742 гг. Оба они привлекали внимание историков. Поэтому к настоящему времени имеется как ряд публикаций по ним, так и исследования по так называемому восточному вопросу на этих двух этапах его развития. Однако упомянутые публикации дают нам в основном материал по истории Порты, а не Крыма (единственное исключение — дневник Лагерберга, о котором см. далее), то же можно сказать и о тематике исследований. Поэтому наш материал выделяется из массы ему подобного, изучению же его несомненно обогатит историографию Петровской эпохи и начального периода расширения причерноморских владений России во второй половине XVIII в.

Собрание переписки современников Петра открывают письма комиссион-секретаря Отто Вильгельма Клишковстрема, послан-

³⁸ Ш-V-1, № 81.

³⁹ Посольство Лилленкропа в Крым и к Б. Хмельницкому в 1657 г. (Ш-V-1, № 78, 80, 82); посольство Н. Ридорфельда к ногамам в 1658 г. (Ш-V-1, № 83, 84); польско-шведско-крымские переговоры о выкупе шведских пленных в 1660 г. (Ш-V-1, № 85); посольство Мустафы-Паши в Швецию в 1677 г. (Ш-V-1, № 94—95).

⁴⁰ Ш-V-1, № 1—22. Здесь имеются письма ханов Мохмет-Гирей (1651—1661), Адиль-Гирей (1660—1666), Девлет-Гирей (1668), Мурат-Гирей (1681), Девлет-Гирей II (1709—1712), Каплан-Гирей (1713—1715), Саламет-Гирей (1741—1742).

⁴¹ Z e t t e r s t e n K. Türkische. . . , № 135—213 (S. 78—128). — Опубликованные здесь письма ни разу не повторяются имеющиеся в нашем собрании. Это же можно сказать и о третьей (и последней) публикации шведско-крымских материалов: Б о д я н с к и й О. Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писари Ф. Орлика и кипрского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках. — ЧОИИПР, 1947, № 1, с. 1—65.

ного Карлом XII ко двору Девлет-Гирея еще до Полтавской битвы.⁴²

Род информации, которую можно извлечь из писем секретаря, всецело определяется событиями Северной войны. Как только король, разбитый под Полтавой, оказывается в Бендерах (где, естественно, испытывает необходимость в сведениях о расстановке сил при дворе султана), Клинковстрём начинает снабжать его именно этими данными. Так, он предупреждал Карла о ненадежности, если не прямой враждебности к шведам могущественного сераскир-паши,⁴³ эту и подобную ей информацию о Турции он получает от не скрывающих своего враждебного отношения к Порте приближенных хана (прежде всего от Балы-паши) и самого Девлет-Гирея.⁴⁴ Пользовавшийся популярностью у своих подданных, отчетливо осознававший унизительность и пагубность для Крыма вассального положения, убивавшего «все силы... народа на беспрерывные войны в политических видах Турции»,⁴⁵ хан постоянно искал возможность выхода из-под власти турок. Это была чрезвычайно тяжелая задача. Близкие и далекие соседи могли легко подчинить себе маленькое суверенное ханство. Поэтому Девлет-Гирей, если он не хотел повторения разгрома его мятежа 1702 г., должен был заранее искать нового сильного союзника. С этой целью он поддерживал в первый период своего правления связи с козаками,⁴⁶ таким союзником мог стать (но лишь после шведско-русского мира!) шведский король. В этом отношении смена дружеского на весьма прохладное отношение к шведам турок после получения ими известия о Полтаве⁴⁷ было даже наруку хану: тем контрастней выступали его действительно большие услуги бендерскому беглецу. Так, уже в августе 1709 г., узнав о возобновлении поляками борьбы со Швецией, он впервые выступает с идеей создания многотысячного татарского эскорта для сопровождения Карла XII из Турции через охваченную войной Европу в шведскую Померанию.⁴⁸

⁴² Инструкция ему не сохранилась, но из содержания писем секретаря королю явствует, что задачей его было не заключение каких-либо соглашений, а лишь сбор информации.

⁴³ Klinkovström till Karl XII (20 juli) 1709 (Ш-V-1, № 37).

⁴⁴ Девлет-Гирей был лишь незадолго до этого восстановлен на ханском престоле, которого он был лишен Портой в 1702 г. за подпятие им мятеж среди крымских и ногайских татар против султана (см.: Смирнов В. Крымское ханство... с. 692—700).

⁴⁵ Там же, с. 711

⁴⁶ Там же, с. 696.

⁴⁷ Об этом хану (и Клинковстрёму) сообщили вернувшиеся 16 августа 1709 г. из Бахчисарая из Константинополя дворяне-эфианды и Каиаджи-Баши (О. Klinkovström till Karl XII, 17 augusti 1709. — Ш-V-1, № 38).

⁴⁸ Там же. — Предложение хана, не сданный им до отъезда Карла в 1714 г., было предметом немалых тревог и дебатов при султанском, польском, московском и шведском дворах в течение четырех лет. Помимо всего прочего, эскорт, численность которого намечалось довести до 40 тысяч и более, мог значительно подпитать на ход войны на померанском театре.

Он убеждает Карла не придавать преувеличенно большого значения полтавскому «проигрышу» (verlust), как и праздничному выступлению поляков («Август сражается лишь из страха перед Петром»). В то же время Девлет-Гирей, не задумываясь, идет на обострение отношения с Россией: московским гонцам, предложившим хану добиться передачи русским беглых казаков и Карла XII, «тотчас же затыкают рот» и отсылают из Бахчислара.⁴⁹

В 1710 г. Клинковстрёма сменяет полковник С. Лагерберг. В отличие от миссии первого новое посольство получает задание заключить с ханом антирусский союз, вовлечь в него казаков, собрать и переправить в Бендеры рассеянных после Полтавы пленных.⁵⁰ В помощь Лагербергу были выделены капитаны О. Врангель и К. Скадер.

Письма Врангеля (по неизвестной нам причине адресованные не королю, а стокгольмскому правительству)⁵¹ представляют собой ценный источник сведений о менявшейся позиции Турции в отношении шведов в Бендерах после начала Прутского похода Петра, об обострении отношений между ханом и подвластными ему ногайцами.⁵² Интересны его сообщения о русско-турецких экономических связях (которые, как выясняется, имели место и в 1711 г.), о тесных сношениях с ханом и шведским послом в Крыму атамана мятежных донских казаков Булавина Игната Некрасова,⁵³ об услугах туркам французского флота⁵⁴ и т. д.

Письма Скадера⁵⁵ лишь изредка касаются внешнеполитических вопросов, они в основном посвящены пленным шведам, хотя в них изредка излагается суть циркулирующих в Бахчисларе слухов об интригах при султанском дворе.

Богатая и интересная подборка писем самого полковника С. Лагерберга к Карлу XII, хану, канцлеру Мюллеру, графу Полятовскому и другим государственным и политическим деятелям того времени опубликованы еще в прошлом веке.⁵⁶ Чрезвычайно обильная информация как писем, так и подробного дневника Лагерберга, бывшего свидетелем Прутского сражения

⁴⁹ «...sogloich das Maul gestopffet» (O. Klinkovström till Karl XII, 17 augusti 1709).

⁵⁰ Инструкции от 20 декабря 1710 г., Бендеры (пункты 3, 5, 7).

⁵¹ Из личной переписки Девлет-Гирей с Карлом сохранилось лишь одно письмо на 12 страницах, датированное ноябрем 1712 г. (Ш-V-1, № 103); столь же скромно представлена переписка Мюллера с ханским визирем Дервиш-Мехмед-Агой (письмо от 20 [ноября] 1712 г. — Ш-V-1, № 102).

⁵² O. Wrangel till hofcauzler H. von Müllern, 4 oktober 1711 (Ш-V-1, № 42).

⁵³ O. Wrangel — H. v. Müllern, 30 oktober 1711 (Ш-V-1, № 43).

⁵⁴ O. Wrangel — H. v. Müllern, 20 november (Ш-V-1, № 44). — Всего сохранилось 17 писем Врангеля за 1711—1712 гг. (№ 43—60).

⁵⁵ Ш-V-1, № 62—69 за 1712—1713 гг.

⁵⁶ [M. Lagerberg]. Swen Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartar-Chan Dawlet-Gherey 1710—1711. Göteborg, 1896. — В нашем собрании корреспонденция Лагерберга отсутствует.

и иных ярких событий, давно заслуживает введения в научный оборот. Между тем она совершенно еще не использована, хотя могла бы пролить свет на предмет ведущихся уже не первый год научных дискуссий по ряду спорных проблем.⁵⁷

В 1711 г. Лагерберг был вынужден покинуть ханский двор по настоятельному требованию султанского визиря, угрожавшего хлпу в случае задержки шведа в Бахчисарае крайними мерами.⁵⁸ Турки всемерно препятствовали сношениям Карла со строителем Девлет-Гиреем, лишь в 1713 г. к хану прибыл посланец короля Георг Лютteman. Он пробыл в Бахчисарае недолго, и в письмах его,⁵⁹ кроме сообщения об очередном набеге на Россию Магомед-Гирей совместно с Д. Кантемиром,⁶⁰ не содержится никакой интересной информации.

Дополнительные сведения о деятельности шведов в Крыму в начале XVIII в. можно извлечь из путевого дневника пастора Ляrsa Тарсениса, проведенного бурный 1713 год в поездках по Крымскому ханству и Турции. Тарсенис был отправлен беидорским правительством в Крым для связи и помощи вышеупомянутым шведским эмиссарам Скадеру и Лютtemanу. Примечательно, что о встречах с ними Тарсенис упоминает весьма сжато. Взамен этот наблюдательный и любознательный священник помещает в своем объемистом дневнике массу сведений политического, экономического, этнографического характера. Во всех причерноморских городах, которые он проезжал, Тарсенис посещал мечети, церкви, базары, взбирался на фортификационные сооружения и тщательно все описывал. Великоленины его живые и точные зарисовки турецких бань Каффы, соляных промыслов Перекопа, ремесленных рядов Карасубазара. Путешественник вникал в тонкости производства крымских седел и пожей, превосходивших турецкие, строительства домов, покрытия дорог водорослями (sijgräs), способы отбеливания соли и т. д. Он приводит точное число мечетей в Каффе — 56 и утверждает, что они не уступают по красоте адрианополюским, удивляется беззащитности неогорожденной Акмечети (Симферополь) и приводит легенды об основании ряда крымских городов Темучином. Тарсенису не всегда удается найти приют, холодные ночи 27 и 28 марта пастор пропол, например, на жесткой земле карасубазарских улиц, по утром

⁵⁷ В о л о д а р с к и й Я. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе. — История СССР, 1963, № 6, с. 212; О р о ш к о в а С. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971, с. 125, 127—129, 192; T o n g b e r g E. Från Poltava till Bander. Lund, 1953, s. 180.

⁵⁸ [M. Lagerberg]. Swen Lagerbergs Dagbok. . . s. 243.

⁵⁹ III-V-1, № 71—76.

⁶⁰ G. Lutteman till Kanzleren, 20 april 1713 (III-V-1, № 74). — Д. Кантемира связывало с ханом давнее знакомство, если не дружба. Он был, в частности, протеже Девлет-Гирей на пост господаря Молдавии (О р о ш к о в а С. Русско-турецкие отношения. . . , с. 106), о его крымско-татарском происхождении см.: K a n t e m i r D. Geschichte des Osmanisches Reiches. Hamburg, 1745, s. 528—530.

в дневнике⁶¹ появились строчки о садах этого белостепного города и беседах с его жителями. Если же мы учтем, что Тарсенис побывал не только в Крыму и описал таким образом еще Кирибури, Измаил, Очаков, Азов, Темрюк, Тамань и другие города юга пашен Родины, то ценность этого пока, к сожалению, неопубликованного и неиспользованного источника станет еще более очевидной.

«Татарнику» завершает группа документов, относящихся к переговорам 1741—1742 гг. Предыстория этого последнего сближения Швеции и Крыма такова. Порты в посленетронское время неоднократно посылала войска через Кубань на персов, продвигавшихся от Дербента к турецким территориям. При этом татары, как правило, вступали в вооруженные конфликты с русскими, после завоевания Астраханского ханства претендовавшими на верховную власть над Кабардой и Кубанью, до этого считавшимися вассальными территориями Порты. Последнее перед русско-турецкой войной 1735—1739 гг. столкновение татар с русскими отрядами произошло в 1733 г., но время очередного похода Каплап-Гирея на Кабарду; оно и послужило причиной этой четырехлетней войны.⁶²

В разгар ее в Константинополе начинаются (по инициативе Турции) переговоры о торговом соглашении, а затем и союзе, направленном против России. Для этого в Турцию прибыли шведские дипломаты Хейкен и Карлсон, их активно поддерживал французский посол в Порте Вильнев.⁶³ Наступательный шведско-турецкий антирусский договор был подписан 20 января 1740 г., его оставалось только ратифицировать. Однако против ратификации решительно выступает русское правительство (Остерман был в курсе шведско-турецких переговоров через своего информатора в Стокгольме).⁶⁴ Турки, опасавшиеся пока открыто рвать с Россией из-за растущей угрозы вторжения в империю персов, ратифицировать договор не решались. В такой обстановке и начались переговоры с Крымом, чье согласие на воппу с русскими, как, очевидно, полагали и Стокгольме, нарушит неустойчивое равновесие, в которое поставила внешнюю политику Порты борьба двух партий в султанском диване (из которых одна опасалась более всего войны с Россией, другая — Персией и поддерживала шведско-французскую дипломатию).

Французский и шведские послы оставили по себе обширную и хорошо сохранившуюся документацию, в достаточной степени

⁶¹ Prädikanten Tarsenis om sin Resa ifrån Bender till Assof och hwad under dess wistande dersamma stades sig företagit (III-V-1, № 118).

⁶² Ж и г а р о н С. Русская политика в восточном вопросе, т. I. М., 1896, с. 122—125.

⁶³ О французской дипломатии в «восточной проблеме» 1730—1740-х годов см.: Z i n k o i s o n J. Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa, Bd. V. Gotha, 1857, S. 813—815.

⁶⁴ Ibid., S. 814.

использованную историками еще в прошлом веке.⁶⁵ Что же касается параллельных, бахчисараянских переговоров, то ни один из имеющихся в нашем собрании актов, относящихся к их истории, пока не использован. Мало того, о самих переговорах в Бахчисарае 1741—1742 гг. вообще не упоминает ни один исследователь «восточной проблемы».

Осенью 1741 г. в Крым из Константинополя прибыл консул Вентуре де Парадиз, который должен был представлять при дворе Селамет-Гирея одновременно французского и шведского королей. Если назначение де Парадиза консулом двух королевств показывает полное единство интересов Франции и Швеции в их антирусской политике, то содержание его инструкции, подписанной Хенкевом и Карлсоном, заставляет усомниться в наличии подобного единства в целях шведского короля и султана. Дело в том, что в этой пространной инструкции (14 пунктов на 8 страницах) лишь раз упоминается Османская Порта (консул должен просить помощи хана, его содействия в склонении турок на сторону Швеции).⁶⁶ В остальном король полагается не только на «традиционную дружбу Швеции и Крыма», но и на наличие общих интересов, исходя из которых хан должен немедленно (и, подразумевается, без апробации этого решения Портой) напасть на русских. Иначе, говорится в пункте IV, Россия рано или поздно отберет у хана его владения.

Де Парадиз передал Селамет-Гирею и два письма Фредрика I, тексты которых до нас не дошли, по содержанию которых легко реконструировать, анализируя сохранившийся ответ хана королю,⁶⁷ как и письмо Хенкева и Карлсона Селамет-Гирею,⁶⁸ в главных чертах оно аналогично инструкции. Король и его послы звали хана на помощь уже вступившей в войну с Россией и уже потерпевшей первые крупные поражения⁶⁹ Швеции, поэтому их письма исполнены красноречивых комплиментов как в адрес хана, так и его «храброму народу»,⁷⁰ они напоминают хану об отношениях дружбы и доверия между Карлом XII и ханом Девлет-Гиреем и Каулан-Гиреем, предлагая эту дружбу возобновить и расширить.

Однако с 1710—1714 гг., когда близость Крыма и Швеции достигла своего апогея, слишком многое изменилось: диктат Турции с годами не ослаб, а возросшая внешняя угроза Порте и в меньшей степени Крыму со стороны Персии могла лишь

⁶⁵ Наиболее полная публикация их: Н и г т и х а с к и D. D. Fragmente zur Geschichte der Rumänen, Bd. V. Bucuresci, 1886. — Ряд неопубликованных документов был использован Цинкайзенем (см. прим. 63) и Хаммером (Н а т т е г J. Geschichte des Osmanisches Reiches, Bd. VII. Pest, 1831).

⁶⁶ Instruction pour le Consul du Roy en Crimée, 12 octombrij 1741, point 8 (Ш-V-1, № 107).

⁶⁷ Selamet-Gieraj a Frickrik I, 28 decembre 1741 (Ш-V-1, № 21).

⁶⁸ Hørken, Carlson a Selamet-Gieraj, 12 octobre 1741 (Ш-V-1, № 110).

⁶⁹ История Швеции. с. 293.

⁷⁰ «a brave nation» (Ш-V-1, № 107).

усилить степень подчиненности ханского двора султанскому. Но главной и основной причиной перемен в политике Крыма были начавшийся упадок могущества Османской империи и столь же очевидное усиление за прошедшие 30 лет северного соседа. Хану была известна осторожная политика Турции в отношении шведов; силу русского оружия он сам испытал три года назад: сожженный и разрушенный войсками Мпиха Бахчисарай еще не был восстановлен, в Азове плотно сидел русский гарнизон, строилась новая линия засек у границ Ногайской орды, — потому он не дает де Парадизу определенного ответа, но, заверив его в добром отношении к «шведскому брату» Фредрику, начинает письменные переговоры с султанским двором.⁷¹ Уже в январе 1742 г. де Парадиз мог сообщить Хешкену и Карлсону, что хан вряд ли решится на самостоятельную акцию из страха перед константинопольским правительством.⁷² Через месяц задача де Парадиза осложняется чисто внешними причинами, он сообщает, что в Дербенте находится 150-тысячная армия персов под началом Тамуа-Копли-хана, которая весной, как полагают в Бахчисарае, двинется на Северный Кавказ и неизвестно где остановится.⁷³ С другой стороны, хану стало известно о склонности новой русской императрицы Елизаветы Петровны к миру со Швецией,⁷⁴ что вызывает его сомнения в необходимости заново уточнить позицию шведов в отношении России. Поэтому весной 1742 г., не довольствуясь конференциями с консулом, хан, его калги Казы-Гирей и великий визирь Темир-Ага запрашивают о ней непосредственно Фредрика I.⁷⁵

Летом 1742 г. войска персидского шаха Надира по ряду причин (среди которых не последнюю роль сыграли накапливавшиеся в низовьях Волги, Дона и Кубани русские войска) продвигались к Кабарде медленнее намеченного. К осени стало ясно, что свое наступление в этом направлении шах будет вынужден отложить по крайней мере до весны 1743 г. Селамет-Гирей и его диван все менее думали о союзе со Швецией: до Крыма дошли вести о поражении шведов у Гельсингфорса. Таким образом, вновь усиливается опасность русского продвижения на юг. В сентябре хан вновь созывает диван, на повестке дня стоит вопрос выбора направления, где необходимо заранее, в течение зимы, укрепить границы ханства. Как пишет в своем последнем письме де Парадиз, засе-

⁷¹ Extrait de la relation du Conseil Venture de Paradis, 1 decembre 1741 (Ш-V-1, № 108).

⁷² «dans la crainte de l'aliener mal a propos les Ministres de la Porte. . .» (Ш-V-1, № 113).

⁷³ Venture de Paradis a Hürken, Carleon, 19 februar 1742 (Ш-V-1, № 114).

⁷⁴ «. . . Elisabeth. . . travaille fort dans ces quartiers la a faire la Paix avec la Cour de Suede» (Ibid.). Кроме того, хан был постоянно в курсе русско-турецких переговоров. В частности, он имел копии конференций Решини, которыми снабдили де Парадиза, тут же отославшего их Хешкену и Карлсону, очевидно, вуждавшимся в данных об этих переговорах. См.: Ш-V-1, № 111, 112.

⁷⁵ Ш-V-1, № 98—99.

дания длились 10 дней, голоса разделились, одни считали главной русскую, другою — персидскую опасность. В конце концов Саламет-Гирей принял обычное решение: не будучи в состоянии самостоятельно сделать выбор, он запрашивает о нем Стамбул.⁷⁶

Этим символическим для всей крымской политики жестом хана, как и хронологически последним в имеющейся у нас документации, мы закончим наш обзор. Не желая предварять результаты будущих исследований, основанных на анализе описанных нами документов, попытаемся все же сделать вывод по более или менее узкой теме — по шведско-крымским политическим отношениям в рассмотренном периоде.

Географическая удаленность Крыма от Швеции, как и разность их внешнеполитических целей, предопределила гораздо более редкие точки соприкосновения интересов этих стран, чем, например, у соперничавших соседей — Швеции и России. Даже в случаях, когда шведско-крымские соглашения поднимались на ступень практических совместных действий, эти действия носили, как правило, единовременный характер. Планы создания более или менее перманентной политической системы, очевидно, имевшие место лишь в годы Северной войны и, что не столь вероятно, в 1740—1742 гг., так и не были реализованы. Несмотря на создавшуюся в 1709—1714 гг. совершенно уникальную ситуацию, когда шведский король был принужден силой обстоятельств, во-первых, длительное время находиться в непосредственной близости и даже личном контакте с ханами, во-вторых, искать поддержки Крыма, которую тот в этот момент готов был ему оказать, такой системы не было создано. На этот раз со всей отчетливостью выступил третий, ранее в шведско-крымских отношениях внешне малозаметный, но фактически основной фактор политики Крыма — влияние на нее Порты. Крымские ханы, среди которых были самые разные личности — от твердого, независимого в своей политике и дальновидного Менгли-Гирея I до совершенно ничтожного Ибрагим-Гирея, — в своей политике по отношению к Порте колебавшиеся от вооруженного сепаратизма до рабской покорности, не выработали (и, пожалуй, не могли этого сделать) перманентной внешнеполитической национальной программы. Возможность для султанов в любое время и в подавляющем большинстве случаев с совершенной легкостью сменить не только непокорного хана, но и его калгу и даже иуреддина не могла не парализовать волю Гиреев к проведению политики в интересах собственно Крыма. Борьба отдельных личностей с системой, поддержанной всем могуществом Порты, была бесполезной, да и невозможной — с XVI в. в крымских городах постоянно находились янычарские отряды. Шведские дипломаты не раз в своих наблюдениях отмечают атмосферу напряжения

⁷⁶ Extrait de la lettre de consul Venture, 27 septembre 1742 (III-V-1, № 117).

и страха, царившую в бахчисарайском ханском дворце. Давление извне дополнялось внутренней распрей: пять влиятельных татарских родов почти непрерывно боролись или готовились к борьбе за власть.

Невозможность создания в большинстве своем далекими интересам Крыма Гиреями прочного экономического и политического положения ханства, пусть даже подкрепленного (в противовес Порте) союзом со Швецией или любым иным государством, была порождена всей фальшивой ситуацией, в которую это маленькое разноязычное государство было ввергнуто Портой в XV в. Турецкая опека, целенаправленно и последовательно лишавшая Крым экономической и политической самостоятельности (как это наглядно видно на примере рассмотренных нами документов), была направлена к искусственному сдерживанию развития производительных сил и самосознания населения полуострова. По этой же причине впоследствии, когда начала рушиться сама империя Османов, ханство было полностью поглощено Россией.